
КУЛЬТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ

УДК 316.7; 304.44

DOI 10.18522/2227-8656.2020.2.22

А.П. ЧЕХОВ И М.А. ШОЛОХОВ: ЭНЕРГИЯ ДОБРА

Суркова Любовь Александровна

Кандидат философских наук,
заслуженный работник культуры РФ,
редактор студии телевидения,
ГТРК «Дон-ТР»,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: surkova@dontr.ru

A.P. CHEKHOV AND M.A. SHOLOKHOV: ENERGY OF GOOD

Lyubov A. Surkova

Candidate of Philosophical Sciences,
Honored Worker of Culture
of the Russian Federation,
Editor of the TV studio, "Don-TR",
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: surkova@dontr.ru

В год 160-летия А.П. Чехова и 115-летия А.М. Шолохова в статье рассматривается не литературное, а общественно-социальное наследие великих писателей. На многочисленных, зачастую малоизвестных фактах из биографии литераторов воссоздается картина их активной гуманистической позиции. И Чехов, и Шолохов по собственной душевной потребности вмешивались в несправедливое решение проблем, защищали невинных, будь то сахалинская каторга или верхнедонские станицы времён коллективизации. Столь творчески непохожие, жившие в разные исторические эпохи писатели были истинными подвижниками просвещения, культуры, оказывая мощное влияние на духовный микроклимат современного им общества.

In the year of the 160th anniversary of A.P. Chekhov and the 115th anniversary of A.M. Sholokhov in the article is considered not the literary, but the social heritage of great writers. On numerous, often little-known facts from the biographies of writers, the picture of their active humanistic position is recreated. Both Chekhov and Sholokhov, out of their own spiritual need, intervened in the unfair solution of problems, protecting the innocent, whether it was the Sakhalin penal servitude or the upper Don villages of the times of collectivization. So creatively dissimilar, lived in different historical epochs, the writers were true ascetics of enlightenment and culture, exerting a powerful influence on the spiritual microclimate of modern society.

Ключевые слова: А.П. Чехов; М.А. Шолохов; подвижничество; остров Сахалин; станция Вешенская; Сталин; бескорыстие; борьба; подвиг.

Keywords: A.P. Chekhov; M.A. Sholokhov; ascetic; Sakhalin island; Veshenskaya village; Stalin; selflessness; struggle; feat.

«...В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны как солнце» (Чехов, 1963. С. 410).

Эти строки попались на глаза неожиданно – в книжном томе они соседствуют с текстом «Острова Сахалина». Соседствуют неслучайно, поскольку написаны в 1888 г. дипломированным врачом, литератором – лауреатом Пушкинской премии Академии наук, вчерашним Антошей Чехонте. Написаны в память Н.М. Пржевальского.

Некролог – жанр нечастый в наследии лишённого декларативности автора. Но, вероятно, сама личность великого русского путешественника побудила выбрать именно такие слова, так открыто обозначить свою позицию. А может быть, дело в молодости? Чехову всего или уже 28 лет.

Через два года он сам совершит путешествие, которое до сих пор называют подвигом.

31 января 1890 г. газета «Таганрогский вестник» сообщила: «Наш талантливый соотечественник А.П. Чехов... предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников» (Алферьева, 2003. С. 439).

Решение отправиться на Сахалин многим показалось неожиданной и экстравагантной затеей успешного литератора. Однако вспомним, как рано он начал самостоятельную жизнь – ещё будучи гимназистом. Бежавшая от долгов семья на три года оставила подростка одного в Таганроге, где он учился, зарабатывал уроками и отсылал деньги в Москву, живущим впроголодь родственникам. Чехов привык отвечать за других и сам выбирать свой путь.

Тридцатилетний автор остроумных рассказов, пронзительной повести «Степь» и нашумевшей пьесы «Иванов», не спрашивая ничьих советов, отправил себя на каторгу.

Из письма А.С. Суворину в марте 1890 г.: «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно?.. Из книг, которые я прочёл и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч вёрст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников... Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен,

и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе» (Кузичева, 1994. С. 153).

В фондах Таганрогского литературного и историко-архитектурного музея-заповедника хранится письмо, отправленное в самый канун сахалинской экспедиции. С него началась многолетняя история.

А.П. Чехов – городскому голове Таганрога К.Г. Фоти: «Уезжая из Москвы, я поручил выслать на Ваше имя три своих книги. Четвертая моя книга – “Пестрые рассказы” – вся распродана и будет напечатана следующим изданием по моему возвращению, т. е. не раньше начала будущего года. Между прочим, я поручил послать вам экземпляр “Власти тьмы” Л.Н. Толстого с собственноручной авторской подписью; я прошу городскую библиотеку принять от меня этот небольшой подарок, как со временем буду просить принять от меня все те книги с авторскими факсимиле, какие у меня теперь имеются и какие я собираю и сохраню специально для библиотеки моего родного города» (Алферьева, 2003. С. 442).

Впечатления от восьмимесячного путешествия, во время которого Чехов по собственной воле провёл перепись 10 тысяч ссыльных, войдут в книгу «Остров Сахалин». Над ней он будет работать в ближайшие годы. . .

Но решение уже принято: «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангустом. Нужен кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек. . .» (Авдеев, 2004. С. 9).

Вскоре по возвращении на материк он едет помогать голодающим крестьянам в Нижегородскую и Воронежскую губернии, а затем покупает имение в Серпуховском уезде. Туда, как старший, и перевозит семью. Мелиховское имение Чехов покупает в долг, как и на Сахалин поехал – тоже в долг.

В первый же год молодого землевладельца избрали земским гласным, членом училищного и санитарного советов, присяжным заседателем земского суда.

Летом 1892 г., когда в России началась эпидемия холеры, Чехов писал Суворину: «...я состоял участковым врачом Серпуховского земства, ловил за хвост холеру и на всех парах организовал новый участок. У меня в участке 25 деревень, 4 фабрики и 1 монастырь... так как земство не дало мне на организацию пунктов ни копейки, клянчу у богатых людей то того, то другого» (Алферьева, 2003. С. 463).

Он бесплатно принимал больных по два дня в неделю на каждом медицинском пункте – в Крюкове и Угрюмове. Дома, в Мелихове, – еже-

дневно. Приём начинался в 5 утра. Более тысячи больных за три месяца. Лекарства выдавались за счет врача.

Это не подвиг? Но, похоже, такого слова не было в чеховском лексиконе.

В нынешнем году читающий мир отмечает 160-летие А.П. Чехова. В эту дату – не юбилейную, но знаменательную – оставим на время его давно и бесспорно вошедшее в золотой фонд литературное наследие. Обратимся к скрытому в дымке времени наследию человеческого. Хотя уважаемый Антон Павлович не любил представлять на обозрение публики свою частную жизнь. Но, чтобы ценить, благодарные потомки всё-таки должны знать.

Не секрет, что с ранних лет Чехова сопровождало безденежье. Всю жизнь он зарабатывал своим трудом, своим талантом. Как он находил время и силы, чтобы писать в Мелехово, где оказалось множество хозяйственных проблем, заботы большой семьи, круглый год – гости? А ещё нарастающее нездоровье – плата за сахалинский вояж. Судя по переписке, денег постоянно не хватает, но при этом он участвует в строительстве школы, дороги, колокольни, снова и снова вкладывая собственные средства. И как-то само собой получается, что к нему, молодому ещё человеку, идут за помощью и мужики, и коллеги, и соседние помещики, и начинающие литераторы, и бедные студенты...

В 1895 г. вышла в свет книга «Остров Сахалин». К тому моменту Чехов уже возбудил интерес в обществе к острову каторжан. «Купил книги, – писал он брату Ивану. – Очень много книг пожертвовано издателями и авторами. Я очень рад. Сахалинские школы будут иметь свои библиотечки» (Чехов, 1963. С. 605).

Сто лет спустя А. Битов заметил: «Удивительно написана эта книга! Стилль отсутствия стилия, на который способен только стилист самой высокой пробы, придаёт книге великое достоинство» (Четырежды Чехов ... , 2004. С. 12).

Лишённое эмоций повествование, где Чехов противопоставил дутым цифрам, искаженным фактам, ложным выводам официальных отчетов центральной и местной администрации свои цифры и наблюдения, произвело пресловутый эффект разорвавшейся бомбы.

Современник Чехова А. Богданович отозвался так: «...отнюдь не стараясь ставить точки над *i*, автор превосходной группировкой фактов и личных наблюдений вырисовывает такую потрясающую картину жизни на Сахалине, что, совершенно подавленный и глубоко пристыженный, закрываешь книгу и долго не можешь отделаться от полученного впечатления. Если бы г. Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его

навсегда было бы вписано в историю русской литературы и никогда не было бы забыто в истории русской ссылки» (Чехов, 1963. С. 590).

Общественный резонанс оказался столь мощным, что «...правительство вынуждено было обратить внимание на положение на Сахалине и послать туда своих представителей из Главного тюремного управления: М.Н. Галкина-Враского (в 1894 г.), Д.А. Дриля (в 1896 г.) и А.П. Саломона (в 1898 г.), которые, убедившись в справедливости сведений, сообщенных Чеховым, характеризовали положение дел на Сахалине как во всех отношениях неудовлетворительное» (Чехов, 1963. С. 606).

Россия читала «Остров Сахалин», а в Мелехово вокруг Чехова бурлила жизнь. Он работает с корректурой «Палаты № 6» и пьесы «Дядя Ваня», рукописью повести «Мужики». Завершив строительство школы в Талеже, оказывается в эпицентре переписи: «...приходилось и считать, и писать до боли в пальцах, и читать лекции 15 счётчикам. Счётчики работали превосходно, педантично до смешного. Зато земские начальники, которым была вверена перепись в уездах, вели себя отвратительно. Они ничего не делали, мало понимали и в самые тяжёлые минуты сказывались больными... Опять я строю школу. Была у меня депутация от мужиков, просила, и у меня не хватило мужества отказаться. Земство даёт тысячу, мужики собрали 300 р. – и только, а школа обойдётся не менее 3 тысяч. Значит, опять мне думать всё лето о деньгах и урывать их то там, то сям» (Кузичева, 1994. С. 162–163).

Слова «благотворительность», «жертвенность», «меценатство», как и «подвиг», явно не из чеховского словаря. Тогда что это?

Ранней весной 1897 г. горлом хлынула кровь, оказался в клинике. Но стиль жизни – прежний.

«Таганрогский вестник»: «Даровитый беллетрист Антон Павлович Чехов, уроженец Таганрога, не забывает о своем городе. На днях он прислал для нашей городской библиотеки 164 тома сочинений лучших авторов. На последнем заседании Дума единогласно постановила благодарить Антона Павловича за этот ценный подарок, а для книг решила отвести особый шкаф, наименовав его Чеховским. Г-н Чехов в настоящее время считается лучшим русским беллетристом. Многие его произведения переведены на иностранные языки и имеют за границей такой же успех, как и у нас... Далеко не всякий город может указать среди своих обывателей на столь выдающегося таланта, и Таганрогу в этом отношении досталась завидная доля» (Алферьева, 2003. С. 500).

Параллельно с мелеховской, а затем и ялтинской жизнью продолжается ещё одна, начатая в 1890 г. история. В далёкую уже пору юношеского таганрогского одиночества духовным прибежищем будущего писателя бы-

ла маленькая городская библиотека, которой теперь он с благодарностью отдаёт долг.

Из письма члену городской управы П.Ф. Иорданову: «Я не остановлюсь... и буду приобретать Мопассана по частям в хороших переводах и на французском языке. Классиков и знаменитых авторов библиотека, мне кажется, должна иметь и в переводе, и в подлинниках... Да и стыдно Таганрогу пробавляться одними переводами. Ведь в Таганроге иностранцев тьма – хоть пруд пруди...

Только опять-таки просьба: никому не говорите о моем участии в делах библиотеки. Не люблю, когда зря треплют мое имя» (Алферьева, 2003. С. 529).

Переписка с бывшим товарищем по гимназии Иордановым, посвящённая таганрогской библиотеке, – замечательное свидетельство благородства и бескорыстия. Вначале Чехов старается покупать книги по списку, присланному из Таганрога, но затем, не дожидаясь просьб, за свой счёт покупает и пересылает даже из-за границы в родной город самые интересные издания. Зачастую письма заканчиваются просьбой не афишировать его помощь и собирать отпущенные городом для покупки книг средства на строительство нового здания библиотеки.

Из письма сестре: «Денег у меня нет, но соблазн велик: я не удержался и послал в Таганрогскую городскую библиотеку всех французских классических писателей» (Алферьева, 2003. С. 548). А это 319 томов и ещё словари...

Начиналось с помощи библиотеке, но постепенно писатель оказался в самой гуще культурной жизни города: «...А как музей? Если в нем еще мало интересного материала, то не волнуйтесь особенно; хорошие музеи составляются не годами, а, можно сказать, веками. Вы положили начало – и это уже много» (Алферьева, 2003. С. 651).

В наше время, когда родина писателя стала литературной Меккой, в день рождения Чехова, посетители богатейшего Таганрогского художественного музея замечают, что рамы некоторых картин отмечены символическим пенсне. Это значит, что появлению полотна в коллекции способствовал лично Антон Павлович.

Когда Таганрог готовился к 200-летию и задумался об установке памятника Петру Великому, земляки попросили именно безотказного писателя, к этому времени уже серьёзно больного, встретиться в Париже со скульптором М.М. Антокольским. И он уговорил знаменитого художника помочь городу, у которого было на этот амбициозный проект всего-то 20 тысяч. И, как обычно, представил свою миссию незначительной услугой.

Из письма А.П. Чехова П.Ф. Иорданову: «...сегодня я был у Антокольского и сделал, кажется, больше, чем нужно: во-первых, завтракал и дал слово, что приду завтракать еще послезавтра, и во-вторых, получил от Антокольского для нашего будущего музея “Последний вздох”, овал из гипса, верх совершенства в художественном отношении. Голова и плечи распятого Христа, и чудесное выражение, которое меня глубоко растрогало. Этот подарок будет выслан малою скоростью. Упакуют здесь хорошо, и остается только пожелать, чтобы не разбили в таганрогской таможне.

Что касается Петра Великого, то я того же мнения, что и Вы. Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс, и о лучшем даже мечтать нельзя. Около моря это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уж о том, что статуя изображает настоящего Петра, и притом Великого, гениального, полного великих дум, сильного.

Дальнейшее излагаю по пунктам:

1. Эта статуя была куплена Александром III и в настоящее время стоит в Петергофе.

2. Антокольский говорит, что 20 тысяч достаточно. Гранитный пьедестал будет стоять около 5–6 тысяч приблизительно, бронза – от 12 до 15 тыс. Антокольский надеется, что все обойдется даже дешевле 20 тыс.

3. Сколько возьмет сам Антокольский? По-видимому, ничего» (Алферьева, 2003. С. 653).

В день торжественного открытия памятника Чехов в Таганрог приехать не смог – не было ни сил, ни денег. Он прислал телеграмму: «Я от души поздравляю вас – памятник очень хорош и теперь остаётся построить хорошую библиотеку и музей. Ваш А. Чехов» (Алферьева, 2003. С. 658).

Энциклопедия Таганрога, обзревая бескорыстные заботы своего легендарного земляка, отмечает, что именно он «предложил послать нескольких таганрогских учителей на лето в Подмоскowie для изучения основ садоводства с целью приведения в порядок городских зеленых насаждений; советовал сажать на улицах хвойные деревья; рекомендовал создать историческую выставку, разработал первый тематический план построения экспозиции городского краеведческого музея; просил художника Репина принять участие в сборе картин русских художников для таганрогского музея; сам посылал деньги и материалы для будущего музея и просил об этом же других таганрожцев – деятелей науки, культуры и искусства; настаивал на строительстве санатория на Миусе; заботился о больных учителях, нестроенных артистах, приютских детях, страждущих стариках; рассылал подписные листы для сбора пожертвований на памятник Петру Первому; хлопотал о специальном здании для библиотеки и привлек для этой цели

своего друга-архитектора Ф.О. Шехтеля; создавал при городской библиотеке справочный и иностранный отделы, посылал для нее книги и других писателей просил делать то же самое... способствовал созданию картинной галереи» (Энциклопедия Таганрога, 2003. С. 426). И, как принято говорить, прочее, прочее, прочее...

Последняя чеховская посылка с книгами пришла в Таганрог накануне смерти писателя.

В конце своей недолгой жизни так и не разбогатевший Чехов, вероятно, полагая строительство нового библиотечного здания для города первой необходимостью, завещал, чтобы причитающиеся деньги из кассы взаимопомощи литераторов и ученых после его смерти были переданы Таганрогской городской библиотеке.

17 сентября 1904 г. «Новое время» перепечатало из «Приазовского края» сообщение о рассмотрении в Таганрогской думе вопроса об увековечивании памяти А.П. Чехова, где с докладом выступил член управы П.Ф. Иорданов: «Таганрогская городская библиотека выписывала книги от различных фирм. При расчетах с последними часто встречались различные затруднения и недоразумения. А.П. предложил выписывать книги и производить платежи через него, но... счетов не присылал. На все просьбы г. Иорданова о высылке счетов А.П. твердил одно: “Не беспокойтесь, копите деньги, нужно здание для библиотеки”... Теперь накопилась сумма 2200 р., и названный член управы просил разрешения Думы эти деньги, а равно и 1600 р., причитающиеся Чехову из кассы взаимопомощи литераторов и ученых, которые согласно сделанному им распоряжению, должны быть выданы таганрогской библиотеке, обратить в фонд на постройку здания для “Городской имени Чехова библиотеки”» (Алферьева, 2003. С. 680–681).

Через десять лет после окончания земной жизни писателя в Таганроге появилось ставшее его визитной карточкой библиотечное здание, спроектированное в подарок родине Чехова академиком Шехтелем.

Частная жизнь выдающихся людей нередко со временем всё же становится достоянием гласности. Завещание писателя уже давно опубликовано. Мы процитируем только фрагмент этого неофициального документа:

«Милая Маша... После твоей смерти и смерти матери все, что окажется, кроме дохода с пьес, поступает в распоряжение таганрогского городского управления на нужды народного образования, доход же с пьес – брату Ивану, а после его, Ивана, смерти – таганрогскому городскому управлению на те же нужды по народному образованию.

Я обещал крестьянам села Мелихова 100 рублей – на уплату за шоссе; обещал также Гавриилу Алексеевичу Харченко (Харьков, Москалевка, с. дом) платить за его старшую дочь в гимназию... пока ее не освободят от

платы за учение. Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно» (Алферьева, 2003. С. 635).

Рассказывают, что в последние годы жизни в Ялте Чехова однажды спросили: «“Почему Вы почти ничего не писали на сахалинские темы?”»

Чехов помолчал, походил по комнате, потом ответил:

– А я-то думал, что все творчество мое просахалинено» (Авдеев, 2004. С. 12).

В нынешнем году чеховской сахалинской экспедиции исполняется 130 лет. Автору этих строк довелось побывать на острове, где имя писателя, изменившего его судьбу, встречаешь буквально повсюду. Его носят аэропорт, международный театральный центр, улицы, скверы, библиотеки, горный пик, учебные заведения. Есть даже уникальный музей – музей одной книги «Остров Сахалин».

Это сейчас. Но впервые это имя и на Сахалине, и в Мелихове, и в Москве, и в Таганроге появилось 75 с небольшим лет назад – за год до окончания Великой Отечественной войны, в связи с 40-летием смерти А.П. Чехова. С той поры его имя носит и таганрогский театр, помнящий писателя ещё гимназистом.

В преддверии этой широко отмечающейся в 1944 г. даты был создан всесоюзный комитет, в который наряду с Книппер-Чеховой, Качаловым, Серафимовичем, А. Толстым входил и Шолохов.

Однажды, в беседе с журналистом газеты «Известия» И. Экслером, молодой Шолохов как-то даже простодушно заметил: «Ей-богу, на меня влияют все хорошие писатели. Каждый по-своему хорош. Вот, например, Чехов. Казалось бы, что общего между мною и Чеховым? Однако и Чехов влияет! И вся беда моя и многих других, что влияют ещё на нас мало» (Михаил Шолохов ... , 2005. С. 154).

У Михаила Александровича Шолохова в нынешнем году тоже знаменательная дата. Он родился 115 лет назад, через год после смерти Чехова. Подумалось, а в самом деле, что между ними – таганрогским внуком крепостного и кружилинским Нахалёнком – общего? У каждого своя эпоха, своя вера, свой мир... Но, может быть, попытаемся, снова оставив в стороне давно и бесспорно вошедшее в золотой фонд литературное наследие, обратиться к наследию человеческому?

Пожалуй, это непросто – дневников Шолохов не вёл, из переписки уцелело немного. Время безжалостно стирает подробности, но всё-таки сохраняет факты.

Из биографии писателя очевидно, что самостоятельную жизнь юный станичник, как и таганрогский гимназист, начал рано. Юность его при-

шласть на жестокое время. Совсем скоро оно аукнется в его книгах, удивив знанием жизни.

В Государственном архиве Ростовской области хранится документ, написанный 17-летним налоговым инспектором Михаилом Шолоховым. В нём будущий писатель докладывает окрпродкомиссару Верхнедонского округа С. Шаповалову, что им был созван съезд хуторских советов, проводились собрания граждан по хуторам, на которых разъяснялась сущность единого налога; но, хотя и принимались меры по борьбе с массовым укрытием посева, сеять было нечем из-за прошлогоднего недорода, а семена на посев никем не получались.

Из доклада: «...В настоящее время смертность на почве голода по станице и хуторам, особенно пораженным прошлогодним недородом, доходит до колоссальных размеров. Ежедневно умирают десятки людей. Объедены все коренья, и единственным предметом питания являются трава и древесная кора. Вот та причина, благодаря которой задание не сходится с цифрой фактического посева. Букановский станичный налоговый инспектор Михаил Шолохов 17 июня 1922 года» (Михаил Шолохов ... , 2005. С. 16).

За «превышение власти», а именно за занижение налога падающим от голода людям, Шолохов был отстранён от должности и отдан под суд. Если бы не вмешательство председателя Букановского ревкома Е.С. Журавлёва, совестливому инспектору грозила бы высшая мера. Год условного заключения значится во всех автобиографиях писателя. Его припомнят, когда станичник попытается поступить на рабфак.

Рискуя впасть в формальные сравнения, констатируем всё же, что будущий нобелевский лауреат, как и Чехов, не понаслышке знал, каким жестоким бывает безденежье. И тоже всю жизнь зарабатывал собственным трудом. Публикация ошеломившего мир романа привлекла к неожиданно молодому автору и друзей, и врагов, и славу, и зависть. Он продолжал писать свой, как его назовут потом, главный роман XX в. вдали от московских писательских баталий, в беспокойной казачьей станице.

Шолохову нет ещё и 25. Говоря сегодняшним языком, у него – никакого статуса – только имя, но от него уже ждут помощи.

Из письма М.А. Шолохова Е.Г. Левицкой от 18 июня 1929 г.: «...вот уже полтора месяца, как творятся у нас нехорошие вещи. Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу побоку!), и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко “скорблю душой”...»

Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает. Имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у

самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд. В 29-м году – и банда...

А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гиб на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирала свиньи, скот весь был на одних базах, и всё это на глазах у тех, кто ночи не досыпал, ходил и глядел за кобылицами...

Писал краевому прокурору Нижне-Волжского края. Молчит, гадина, как в рот воды набрал» (Колодный, 2011. С. 133–134).

Своему верному другу Евгении Григорьевне Левицкой, которая первой поддержала публикацию «Тихого Дона», писатель поведал страшное. Она – коммунист с безупречной репутацией – смогла на свой страх и риск сделать так, чтобы письмо прочитали в Кремле.

Похоже, у Шолохова был свой «Остров Сахалин». Здесь, на земле, где родился. Живущих на ней людей он не мог не защищать. И, хотя в эту пору неистово работал над продолжением «Тихого Дона» и первой книгой «Поднятой целины», снова и снова восставал против беззакония и репрессий, невзирая на лица, и у себя в районе, и в крае. В поисках справедливости стучал во все двери.

Январь 1931 г.

«Товарищ Сталин!

В колхозах целого ряда районов Северо-Кавказского края создано столь угрожающее положение, что я считаю необходимым обратиться прямо к Вам... Районная печать скромно безмолвствует, парторганизации не принимают никаких мер к улучшению дела с прокормом оставшегося в живых скота...

Колхозники морально подавлены, и надо видеть лица их, когда они тянут трупы лошадей мимо дворов единоличников, у которых скот не дохнет и не поднимается за хвосты... Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается, когда видишь все это своими глазами...

Т. Сталин! 10 пудов зерна на лошадь или быка, даже не зерна, а отрубей или отходов, спасут оставшийся скот. Но в крае, видимо, забыли арифметику и не учитывают того, что 10 п. зерна стоят 10 рублей, а лошадь – 150–200.

М. Шолохов» (Михаил Шолохов ... , 2005. С. 75).

Многие документы времён этой отчаянной борьбы увидели свет лишь годы спустя.

8 марта 1963 г. в Кремле, на известной встрече с деятелями литературы и искусства, Н.С. Хрущев сказал: «Наш уважаемый Михаил Александрович Шолохов весной 1933 года поднял свой голос протеста против того произвола, который творился в то время на Дону. Недавно в архивах были обнаружены два письма И.В. Сталину и ответы Сталина на эти письма» (Михаил Шолохов ... , 2005. С. 338).

Речь о том, что в 1933 г. руководство Северо-Кавказского края под видом борьбы с саботажем изъяло у населения, обрекая на голодную смерть, выданный на трудодни хлеб. Проводились массовые аресты, использовались преступные методы ведения допросов как коммунистов-двадцатипяти тысячников, так и рядовых колхозников и членов их семей.

Шолохову удалось сообщить Сталину о масштабах беззакония и катастрофической ситуации с продовольствием на Дону. В результате станциям Верхнего Дона была доставлена из центра продовольственная помощь. Из Москвы для расследования прибыла комиссия ЦК во главе с М.Ф. Шкирятовым. 23 мая 1933 г. Шкирятов доложил Сталину, что результат проверки полностью подтвердил правильность письма т. Шолохова в ЦК ВКП(б).

1-й секретарь Вёшенского райкома партии П.К. Луговой вспоминал, что, приехав в район, Шкирятов «выпустил из дома заключённых всех арестованных и осуждённых, распорядился об освобождении даже приговорённых к расстрелу и находившихся в тюрьмах в Миллерово, Новочеркасске и других городах. Шкирятов потребовал восстановить исключённых из колхозов... пересмотреть все дела исключённых из партии коммунистов и восстановить в партии невиновных... возратить колхозникам незаконно конфискованные дома, скот, домашние вещи» (Михаил Шолохов ... , 2005. С. 101).

По итогам работы комиссии летом 1933 г. в Кремле дважды состоялись встречи Сталина и Шолохова в присутствии партийной элиты. Одержав на этот раз победу, автор «Тихого Дона» и его вешенские товарищи обрели в краевом центре смертельных врагов, которые до поры затаились.

В 1937 г. руководители Вешенского района П.К. Луговой, Т.А. Логачёв и П.А. Красюков по сфабрикованному обвинению в принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации были арестованы. Их жестоко пытали, добиваясь показательных признаний, не раз давая понять, что и сам писатель уже арестован и рассчитывать на его помощь нечего.

В течение нескольких месяцев – только ему ведомо, чего это стоило, – Шолохов боролся, чтобы привлечь к преступлению внимание Кремля. Как пишет в книге «Рукописи не горят» Л. Колодный, он «встал горой за невинно пострадавших, сидевших в тюрьме на Лубянке. Добился того, что

вопрос решался в кабинете Сталина... По словам Лугового, при этой встрече он первым делом взглянул, есть ли на Шолохове пояс или нет. И увидев, что есть, убедился: слух об аресте Шолохова ложный. Другой участник тех событий Пётр Красюков... заключает: «На воле мы, конечно, оказались только потому, что Михаила Александровича уже знал весь мир, такому писателю, как никому, нельзя было отказать, и Сталин это понимал»» (Колодный, 2011. С. 203–204).

Любопытно, что интервью с упоминанием Чехова Шолохов давал в том же 1937 г. Что всё-таки он имел в виду, говоря, что Антон Павлович на него влияет?

Хотя через призму времени вдруг кажется, что эти безжалостные годы, где и создание бессмертных книг, и отчаянная борьба происходили параллельно с преображением станичной жизни, в чем-то перекликаются с мелеховским житьём Чехова. И в этом бытовом круговороте – Шолохов. Ему – чуть больше тридцати.

Теперь уж немногие помнят времена, когда в голой – без садов – станице воду носили на коромыслах. Водопровод – большой вопрос для Шолохова, но ведь добился! Старшая дочь писателя Светлана Михайловна вспоминает, как приезжали изыскатели исследовать мощность старинного источника Отрога. И по сей день в Вешенской гордятся замечательной водой, которую можно пить прямо из-под крана.

В те же годы – строительство электростанции, появляются радио, телефон, баня, кинотеатр, родильный дом, рентген-кабинет, Дом колхозника, аптека, библиотека, детсад. В 1933 г. Шолохов опять добился открытия в станице агропедтехникума, из которого вырос нынешний педагогический колледж. Со стороны это выглядит даже естественным, кто же, если не он?

Случалось читать воспоминания станичников о том, что к писателю обращалось столько ходоков, что однажды дверная ручка не выдержала и отвалилась. Каждый приходил со своей заботой.

Через десятилетия просачиваются подробности. Объявление в старой газете «Большевицкий Дон»: «При редакции работает литературный кружок под руководством М. Шолохова. Очередное занятие 3 ноября, в 6 часов вечера, в новом помещении редакции на ул. Советская, 44. Беседы о Чехове проводит Шолохов. Приглашаются все желающие» (Михаил Шолохов ... , 2005. С. 73).

Ещё любопытный документ. Писатель обращается к заведующему Гослитиздатом Н.Н. Накорякову: «...буду просить лично Вас вот о чем: срочно перечислите из моих денег 6 500 р. на текущий счёт № 40/61 Мособлбанка и одновременно поручите черкнуть бумажку нач. конторы сельхозснабжения Наркомзема СССР о том, что 6 500 рублей перечислено на

их текущий счет в уплату за грузовую машину, отпущенную Еланской средней школе Вешенского района... Дело, видите ли, такое: школа – одна из 10 лучших в Союзе, отпустили им машину, отгрузили ее, а у школы не оказалось презренного металла... Машину, того и гляди, продадут в другие руки. Вот я и выручаю школьников...» (Михаил Шолохов ... , 2005. С. 131).

Афишировать своё участие – не в характере автора «Тихого Дона», но масштаб этого участия и сегодня производит впечатление.

Вероятно, кроме необходимого для общего блага было ещё и то, чего просила душа. Любитель и знаток народных песен, Шолохов с увлечением поддерживал создание вскоре ставшего очень известным на Дону Вешенского казачьего хора. Мастеров пения собирали по всей округе. А уж станичный театр – это была мечта и любимое детище. Помнивший свою юность в любительском кружке в Каргинской писатель помогал талантливым землякам всем, чем мог. Среди молодых станичников было столько замечательных самодеятельных артистов, что пришлось проводить настоящий конкурс. В 1936 г. Вешенский театр колхозно-казачьей молодёжи открылся спектаклем «Поднятая целина». Уже за первый год был дан 61 спектакль, 21 тысяча зрителей. Вскоре этот уникальный коллектив выступал не только на Дону, но и в столице.

Ещё одна память тех лет – храм в центре Вешенской. Свято-Михайло-Архангельский приход в станице с середины XVIII в. Его главный алтарь был освящён ещё в 1786 г. Всего церквей в станице было две. Одну снесли в лихие годы, а в этой устроили зернохранилище. Но взорвать не смогли – коммунист Шолохов вступился.

19 ноября 1937 г. было принято постановление комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) о восстановлении в партии Лугового, Логачёва, Красюкова.

В декабре 1937 г. писателя избрали депутатом Верховного Совета СССР, что давало ему депутатскую неприкосновенность.

Однако «оправдание Петра Лугового и других руководителей района, возвращение их к исполнению своих обязанностей ставило в неудобное положение тех, кто их сажал. Эта реабилитация ещё раз показала, что, пока Михаил Шолохов на свободе, им не будет покоя... Провокация замышлялась как на месте, на Дону, так и в Москве, в частности, в наркомате внутренних дел, где Михаилу Шолохову не могли простить некоторые страницы «Тихого Дона». На них обвинялись в расказачивании некоторые влиятельные в то время сотрудники, среди которых был и выведенный в романе под своей фамилией небезызвестный в годы Гражданской войны комиссар Малкин... Были противники и поважнее» (Колодный, 2011. С. 204–205).

Провокация включала в себя не только клевету о контрреволюционной деятельности писателя, но и возможность его физического устранения. Спасло бесстрашие Ивана Погорелова, которому было поручено исполнение, рассказавшего обо всём Шолохову. Что они пережили в страшные месяцы, пока 4 ноября 1938 г. лично Сталин не собрал вместе и организаторов, и жертв и правда была восстановлена?

И сегодня до конца точно неизвестно, скольким людям помог в годы репрессий Михаил Шолохов. Но среди тех, кого он защищал, были не только казаки-станичники. В мае 1940 г. вышел в свет сборник стихов А.А. Ахматовой «Избранное. 1912–1940 гг.» с предисловием М.А. Шолохова, рекомендовавшего книгу на Сталинскую премию. Под его же редакцией напечатан сборник произведений неиздаваемого А.П. Платонова. С его помощью освобождены 18-летний сын Платонова, приговорённый к 10 годам как руководитель антисоветской организации, сын А. Ахматовой Л. Гумилёв, актриса Э. Цесарская. До последнего он боролся за одного из создателей «Катюши» И. Клейменова.

В 1940 г. писателю исполнилось 35 лет. Он завершил работу над романом «Тихий Дон». Роман удостоен Сталинской премии.

23 июня 1941 г. М.А. Шолохов отправил Наркомату обороны СССР телеграмму с просьбой присуждённую ему Сталинскую премию первой степени зачислить в фонд обороны СССР.

С лета 1941 г. полковник Шолохов служил военным корреспондентом Совинформбюро, газет «Правда» и «Красная звезда». В конце года потерпел аварию бомбардировщик, на котором летел вызванный в центр с фронта писатель. В результате – тяжелейшая контузия. Чуть подлечившись в госпитале, почти инвалид, отправился в Николаевку, где жила в эвакуации семья. Сын писателя М.М. Шолохов вспоминал: «До сих пор помню то чувство безотчетного детского страха, подавившего во мне всякое желание броситься к отцу... когда я увидел его чудовищно распухшую голову. Большая солдатская шапка-ушанка еле держалась на ней, едва прикрывая макушку...»

Помнится еще, что долгое время он не мог ничего есть – любая пища вызывала рвоту. Его хороший приятель по фамилии Перепелица, бывший тогда, кажется, председателем местного колхоза, каждый день либо привозил сам, либо пересылал с кем-нибудь баночку сливок, и мать по чайной ложечке скармливала их отцу в течение дня. Каждый глоток давался ему с огромным трудом... От этого последствия контузии он не оправился до последних дней...» (Шолохов, 2004. С. 55).

Вернувшись в строй, военкор был приглашён на Всесоюзное радио, где читал свой очерк «На юге». В радиокомитете он встретился с приле-

тевшей из осаждённого Ленинграда Ольгой Бергольц, выступавшей с отрывком из поэмы «Февральский дневник». Позднее Бергольц вспоминала, что по инициативе Шолохова «Комсомольская правда» опубликовала обе её поэмы: «Февральский дневник» и «Ленинградский дневник».

Летом 1942 г., во время бомбёжки фашистами Вёшенской, погибла мать писателя, был разрушен построенный перед войной дом, пропал архив.

22 июня 1942 г. «Правда» опубликовала рассказ «Наука ненависти». Шолохов работал над ним с начала июня: «Мне вот Герасимов покоя не даёт... Однажды встретился с пленным офицером, который гнал в тыл скот. “Меня на фронт не допускают, сбежал из лагеря от немцев, из плена. А вы, наверное, на фронт?” На основе этой встречи написал рассказ. “Науку ненависти” сразу же перепечатали несколько газет. После публикации рассказа вышло закрытое постановление ЦК о том, чтобы военнопленных отправлять не в тыл, а снова на фронт» (Михаил Шолохов ... , 2005. С. 188–189).

За годы Великой Отечественной войны полковник Шолохов побывал на Западном, Южном, Юго-Западном, Сталинградском, 3-м Белорусском фронтах.

Вернувшейся после победы в станицу семье писателя жить было негде. Но в 1946 г. в стране было принято решение о строительстве дач для академиков. По просьбе Шолохова ему строили не дачу, а дом. И не в Подмосковье, а в Вёшенской. В послевоенные годы многое было непросто – материалы привозили в станицу по бездорожью, работали приезжие строители... Стройка получилась дорогой.

В новый дом, ныне ставший музеем, Шолоховы вошли в 1949 г. Михаил Александрович как раз достиг возраста Чехова. С того времени на долгие годы на нём повис долг – за дом.

Но этого, разумеется, не могли знать люди, писавшие в Вёшенскую со всей страны. Всем жилось тяжело. Писатель-депутат, независимо от своих личных обстоятельств, снова хлопотал – о восстановлении в колхозе вдовы, о лечении инвалида-фронтовика, о путёвке для старого учителя, о тракторе для совхоза, о разрушенной в войну электростанции...

Младшая дочь писателя Мария Михайловна вспоминает, что как-то пришло письмо из Сибири. Осиротевший в войну юноша поступил в институт, но оказался в полной нищете, даже без зимней одежды. И Шолохов все годы, пока парень учился, лично посылал ему стипендию. Не правда ли, эта история что-то напоминает?

Во время съёмок ГТРК «Дон-ТР» фильма «Нечаянный реквием» писатель А.В. Калинин рассказал, как Михаил Александрович приезжал на строительство Волго-Донского канала: «...когда гнали колонну заключён-

ных в воротах, которые ведут из запретной зоны на строительный объект, увидел человека и бросился к этому человеку. Обнялись. Заключенный и Шолохов! Оказался это директор мельницы Каргин. Я потом слышал разговор Шолохова с Барабановым, начальником стройки. Шолохов говорит ему: “Я знаю этого человека, это – честнейший человек, а вот я теперь уже узнал, что его осудили на 15 лет. Вы имеете право на пересуд?” Тот сказал – “Имею”.

Вот. Сделали пересуд и выпустили его. И пошёл шум по стройке – Шолохов приехал, будет амнистия!» (Нечаянный реквием, 2002).

Шли годы, менялось руководство страны, Шолохов оставался. Полученную в 1960 г. Ленинскую премию автор «Поднятой целины» передал в станицу Каргинскую, чтобы вместо старенькой школы, где ещё он учился, построить новую.

Светлана Михайловна вспоминает, что каждую весну отец непременно звонил куда-то в Воронеж – и появлялась драга, которая чистила Дон, а золотой песок покрывал прибрежные пляжи; что во время весеннего нереста боролся против быстходных «ракет» и «метеоров»; что уговорил генерала Плиева оставить наведённый для встречи Н.С. Хрущёва понтонный мост в Вешенской, где люди часами ждали переправы. Восхищаясь вешенскими лесами, немногие знают, что именно по инициативе писателя и с его помощью была создана Донская научно-исследовательская опытная станция, выращивающая сеянцы сосны для укрепления песков; установлена полуторакилометровая лесозащитная зона на берегах Дона.

С лёгкой руки знаменитого земляка в этих местах появились, элеватор, аэропорт, санаторий, Дворец культуры, автомобильная дорога до Миллерово и ещё многое, что сегодняшним вешенцам представляется обычными атрибутами цивилизации.

Через десятилетия смотреть сложно, но почему-то кажется, что у Шолохова было какое-то экологичное мышление и чувство перспективы. Поэты называют это размахом крыла. Иначе как бы он смог, уже в возрасте, оказываться у истоков неожиданных проектов, за которыми – будущее?

Когда в стране был запрещён женский труд под землёй, без работы остались сотни шахтёрок. Строительство в городе Шахты современного хлопчатобумажного комбината решило многие проблемы. С отрезами первой продукции благодарные ткачихи приехали к Михаилу Александровичу. Когда Ю.А. Жданов выдвинул идею создания Северо-Кавказского центра высшей школы, актуальность её безоговорочно поддержал нобелевский лауреат. В 400-й год служения донских казаков России автор «Тихого Дона» достучался до самых верхних этажей власти, чтобы спасти «старое

казачье гнездо». Полвека спустя Старочеркасский музей-заповедник знает весь мир.

Была ещё одна идея или мечта, которая владела старым писателем много лет, – мост через Дон. Это ведь только сказки быстро сказываются, в жизни порой не обойтись без подвига. Мост был торжественно открыт уже после Шолохова, в 1985 г.

Есть ли что-нибудь общее между нашими гениальными земляками? Не его ли диагностировал в далёком 1888 г. молодой доктор Чехов: «Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что... кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены» (Чехов, 1963. С. 411).

Литература

Авдеев Ю.К. В чеховском Мелихове. М.: Мелихово, 2004. 272 с.

Алферьева А.Г. и др. Таганрог и Чеховы: материалы к биографии А.П. Чехова. Таганрог: Лукоморье, 2003. 732 с.

Колодный Л. Рукописи не горят. Как был найден «Тихий Дон». М.: Голос-Пресс, 2011. 480 с.

Кузичева А.П. Ваш А. Чехов (Мелиховская хроника 1895–1898). М.: Искона, 1994. 272 с.

Михаил Шолохов: летопись жизни и творчества (материалы к биогр.) / сост. Н.Т. Кузнецова. М.: Галерея, 2005. 536 с.

Нечаянный реквием: телефильм / реж. Л. Рублевская. ГТРК «Дон-ТР», 2002.

Четырежды Чехов: Битов, Чудаков, Рейфилд, Клех (1904–2004) / сост. и ред. И. Клех. М.: Emergency Exit, 2004. 181 с.

Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1963. Т. 10. 639 с.

Шолохов М.М. Об отце: очерки-воспоминания разных лет. М.: Советский писатель, 2004. 232 с.

Энциклопедия Таганрога / гл. ред. В.И. Тимошенко. Ростов н/Д.: Ростиздат, 2003. 512 с.

References

Avdeev, Yu.K. (2004). In Chekhov's Melikhov. M.: Melikhovo. (in Russian).

Alfer'eva, A.G., et al. (2003). Taganrog and Chekhov: materials for the biography of A.P. Chekhov. Taganrog: Lukomor'ye. (in Russian).

Kolodny, L. (2011). Manuscripts do not burn. How the "Quiet Don" was found. M.: Golos-Press. (in Russian).

Kuzicheva, A.P. (1994). Yours A. Chekhov (Melikhovskaya Chronicle 1895-1898). M.: Iskona. (in Russian).

Mikhail Sholokhov: Chronicle of life and work (materials for biogr.). (2005). Comp. N.T. Kuznetsova. M.: Gallery. (in Russian).

Unexpected Requiem: TV movie. (2002). Director L. Rublevskaya, Don-TR. (in Russian).

Four times Chekhov: Bitov, Chudakov, Rayfield, Klekh: (1904-2004). (2004). Comp. and ed. I. Clech. M.: Emergency Exit. (in Russian).

Chekhov, A.P. (1963). Collected works in 12 vol. M.: Gos. izd-vo khud. lit-ry, 10. (in Russian).

Sholokhov, M.M. (2004). About the father. Essays-memoirs of different years. M.: Sovetskiy pisatel'. (in Russian).

Encyclopedia of Taganrog. (2003). In V.I. Timoshenko (Ed.). Rostov-on-Don: Rostizdat. (in Russian).